

Бассо АБАЕВ

AVESTICA

Авест. *aēta-* “доля” – осет. *xaj*

В статье “Die Übersetzung von jungawest. *aēta-* m., *aētā-* f.” профессор Кноблох с обычной для него широтой лингвистического кругозора рассматривает авест. субстантив *aēta-* во всех случаях его употребления и приходит к выводу, что он сохраняет в основном значение реконструируемой и. е. базы **ai-ti-*, **ai-to-*, **oi-to-* “доля, часть” (Pokorný 10-11), и подстановка в соответствующие тексты иных значений (“вино”, “наказание”) представляется излишней¹. Ср. гр. *αῖσα* “доля, часть, участь”, оск. (род. пад.) *aeteis* “части” и пр. К уже известным соответствиям можно, как нам кажется, присоединить осет. *xaj* “доля, часть”, если допустить, что начальный *x-* является протетическим как в *xom* “сырой” (др.-инд. *āta-*) и др. (см. ниже авест. *ašta-*).

Осет. *x-aj* предполагает сильную ступень (*vṛddhi*) корневого гласного, нечто вроде **āiθya-*. Форма **aita-* (авест. *aēta-*) относились бы к **āiθya-*, как, скажем, др.инд. *veśa-* к *vāśya-*. Звуковое развитие закономерно: **āitya- → *āiʒ → *āy → x-aj*.

Авест. *ašta-*

Переводится “посланник”, “Bote” (AiW 260-261), “друг”, “ami” (ZA II 271, 555, 628, 639). Пехлевийский перевод – *dōst* “друг”. Речь идет о добрых духах, которые помогают Ахурамазде в его борьбе против темных сил. Считается этимологически неясным. Сближаем с авест. *asna-* “близкий” из **a-zd-na-* (AiW 220). По словообразовательной модели *asna-* относится к *ašta-*, как, скажем, *yasna-* к *yašta-* от *yaz-* “совершать жертвоприношение”. Ср. еще ав. *asnaoiti* “приближается” (AiW 1755). Исходная арийская база – **a-sad-*, ср. др. инд. *āsaday-* “приближаться”, “подходить”, *āsanna-* “близкий”. Переводы “друг”, “посланник” вуалируют основное значение “близкий”, “приближенный”.

Ср. русс. *приближенный* в значении “пользующийся чьим-либо преимущественным доверием, состоящий в числе близких лиц, окружающих кого-н.” (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939, т. III, стр. 764). Именно о таких лицах идет речь в авестийском тексте. Разумеется, приближенного можно и посыпать с каким-либо поручением, но от этого он не становится профессиональным посланником. В семантическом плане ср. еще др.инд. *upasthā-* “приближаться”, “находиться вблизи” → “прислуживать”.

Функции авестийских *ašta-* – всего точнее можно передать греческим *θεράπων* “спутник, помощник, приближенный” (см. словари Liddell-Scott, И. Х. Дворецкого и др.).

С излюбленным формантом *-ka-* мы могли иметь др. иран. **aštaka-*. Отсюда – с наращением начального *x* – осет. *xæstæg* “близкий”. Считая начальный *x*- в *xæstæg* наращением, мы не допускаем никакого произвола. Протетический *x*- с уверенностью распознается в ряде этимологически вполне надежных осетинских слов: *xot* “сырой” (др. инд. *āta-*), *xaj* “доля” (авест. *aēta-*, греч. *αῖσα*), *xærd* “крутой подъем” (лат. *arduus*), *xal* “жребий” (лат. *alea*), *xizin* “сума” (авест. *izaēna-* “кожаный”), *xubežæstæ* “пригоршня” (др. иран. **ubai-zasta-* “обе руки”). В этом ряду стоит и *xæstæg* “близкий”².

Авест. *aš̄taoγa-*

Термином *aš̄taoγa-* обозначаются в Авесте враждебные правоверному зороастризму деятели. Bartholomae делит *aš̄-taoγa-* и переводит: “запутывающий (*taoγa-*) святой закон (Aša-, нормализованно – Arta)”, “der das heilige Recht verwirrt”³. При этом *taoγa-* сближается с древнеиндийским *mógha-* “напрасный”, “тщетный” и в конечном счете с глаголом *míhyati* “запутывать(ся)”. Такое толкование вызывает справедливое сомнение в чисто этимологическом плане⁴. *Aš̄taoγa* обычно сопровождается эпитетом *anašavan-* “не-артовский”, “неверный”. В этом эпитеце уже выражено отношение к Арте: они, эти *aš̄taoγa*, чужды или враждебны Арте, и наименование “запутывающий Арту” представляется уже избыточным: “запутывающие Бога безбожники” (?).

Далее, др. инд. *míhyati* не имеет надежных соответствий в иранском. Привлекают сакское *tuysam dai*, но оно означает “глупый”⁵.

Пехлевийский перевод этого термина звучит *ahr(a)mōk*, *ahr(a)mōγ* ('*hlmwk*, '*hlmwγ*), вместо ожидаемого **artamōk*, **ardamōγ*. *Ahra-mōk* без натяжки осмысливается как “злоучитель”, “maledoctor”. Ср.: для первой части авест. *agra-* (*ahra-*) “злой”, “враждебный”⁶, для второй – базу

mōk, *tauka-*, которая отражена в перс. *ā-tīxtan*, пехл. *ham-mōxtan* “учить”.⁷

Szemerényi (со ссылкой на Hansen, ZDMG 1940, стр. 143 сл.) делит *ahr-amōk*, где *amōk* возводится к **nam-oka-* (ссылка на Bailey, TPS 1936, стр. 98–101)⁸. Но существование базы **tauka-*, *mōk* в значении “учить” поддерживается, помимо приведенных персидских и пехлевийских фактов, согдийским *mwkr'nch*, где *mwkr* Henning проницательно возводит к *mōk-kar “учитель” (или “учение”)⁹.

Если так, то мы приходим к выводу, что пехл. *ahr(a)mōk* отражает независимую от известного нам текста Авесты и более верную традицию, тогда как *aš̄taouya-* – есть результат фонетических и графических деформаций, неизбежных, если учесть сложную историю дошедших до нас аvestийских текстов¹⁰.

Сочетание *aš̄taouya-* *anašavan-* в нормализованном виде будет звучать *ahramauka-anartavan-* “злоучитель неверный” или “злоучитель безбожный”. Это представляется более осмысленным, чем “запутывающий Бога безбожник”.

Авест. *āxštī-* “мир”

Сближаем с осет. *azin* “давать приют, лелеять, холить, кормить”¹¹. Исходная база – **ag(h)-*. Отсюда индоевропейская основа **ag-s-* → *axš-*. От *az-* имеем осет. дигор. *ast'ona* “гнездо” из *az-donə ← **āza-dāna-*. От *axš-*: ав. *āxštī-* “мир”, перс. *āštī* “мир”, перс. *āsiyān* “гнездо, убежище, крыша” (из **āxša-dāna-*, как, скажем, *Šahriyār* из **Xšaθra-dāra-*), осет.ирон. *axston* “гнездо” из **āxša-dāna-*. Семантика базы **ag-*: “приют, убежище, мирное убежище, мир”. Эту базу можно считать общеиндоевропейской, если допустить, что параллельно существовала база с начальным *k-*: **kagh-*, как это имеет место в нескольких хорошо известных случаях:

авест. *asti-*, др. инд. *asthi-* “кость” || слав. *kosti*;

пехл. *azak* “коза”, др.инд. *aja-* “козел”, лит. *ožys* “козел” || слав. *koza*, ср.н. нем. *höken* “козленок”.

Если мы допустим такое же чередование **agh-* || **kagh-*, то приведенные выше иранские слова можно сблизить с германской группой: нем. *Hag* “ограда”, *hegen* “беречь, ухаживать, холить” и пр. Полная семантическая и формальная идентичность немецкого *hegen* и осет. *azin* бросается в глаза.

Мы не касаемся здесь вопроса, является ли начальный *k-* в приведенных случаях пережитком ларингала или приставочным элементом вроде протетического *x-* в осетинском, о чем речь шла выше¹².

Авест. *dāni-*

AiW 733—734 дает две отдельных лексемы:

¹ *dānav-* “река”,

² *dānav-* название враждебного, “турского” племени.

Остановимся сперва на *dāni-* “река”. Внимательный разбор текстов не подтверждает, что в авестийском языке существовал апеллатив *dāni-* “река”. Река зовется в Авесте *ār-*. В других иранских языках находим еще *rautah-* в этом же значении. На всей нескифской территории иранского мира именно эти две лексемы выступают как апеллативы и в составе гидронимов (перс. *āb*, таджик, *ob*, пехл. *rōt*, перс. *rūd*). В древнеиндийском *dāni-* означает не “река”, а “капля, роса”. И только на скифской почве мы находим апеллатив *dāni-* “река” и этот же элемент в составе гидронимов;ср. осет. *don* “река”, а также названия южнорусских рек *Дон*, *Днепр*, *Днестр*¹³.

Все это делает а priori мало вероятным, чтобы в авестийском рядом с *ār-* бытовало синонимичное *dāni-* “река”. Обращаясь к текстам, где встречается *dāni-* (а их всего три), мы убеждаемся, что в них речь идет не о реке вообще, а о какой-то определенной реке. В текстах Ясна 60.4 и Яшт 13.32 повторяется одна и та же формула: благодеяния богини Арти называются “обширными как земля, длинными как *dāni-* (*dānu-drajah-*), высокими как солнце”. Сравнения предельно гиперболичны: земля уникальна по обширности, солнце уникально по высоте. Естественно думать, что и под *dāni-* разумеется не река вообще (реки бывают разной протяженности), а какая-то определенная река, которая была или казалась уникальной по длине.

В другом тексте (Аогмадайча 77), читавшемся, по-видимому, над умершим, в образной форме внушается мысль о неотвратимости смерти: человек может встретить на своем пути любые опасности и может преодолеть их; но если на его пути встал бог смерти *Vayu*, ему уже нет спасения. В числе тех опасностей, которые хотя и смертельны, но преодолимы (дракон, медведь, разбойник, враждебное войско), на первом месте стоит *dāniš ... frā bunāt tacintiš* “*dānu-* текущая из глубин”. Ясно, что и здесь речь идет не о реке вообще, а о какой-то определенной реке, перевода через которую связана со смертельной опасностью.

Таким образом разбор тех немногих мест, где в тексте Авесты встречается *dāni-* приводит к убеждению, что авторы имели в виду не “реку” вообще, а конкретную реку, *Dāni* с большой буквы. Остается попытаться локализовать эту реку. Коль скоро апеллатив *dāni-* является лексической спецификой скифского языка, очевидно, что речь идет о ка-

кой-то скифской реке, реке, протекающей по территории Скифии или на границе с ней. В языке бывает нередко, что слово, функционирующее в одном языке как нарицательное, заимствуется в другой язык как собственное. Так лат. *colonia* стало в немецком названием одного определенного города: *Köln*. Груз. *kalaki* “город” вошло в осетинский как название одного конкретного грузинского города: *Kalak* “Тбилиси”.¹⁴ У скифов *dāni-*, *dānav-* означало “река” вообще. Греческие колонисты Северного Причерноморья, усвоив этот термин в форме *Távaç*, применяли его к одной определенной реке, Дону. Наричательное стало собственным, как *Dāni* в авестийском, *Дон* в русском.

Какая же “скифская” река была в представлении авестийцев, во-первых, уникальной по длине, во-вторых, исключительно опасной?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует упомянуть один любопытный факт. Историки Александра Македонского — Арриан, Квинт Курций Руф — описывая его походы в Средней Азии, в частности события в Согдиане и Скифии, называют Сыр-Дарью *Tanaisom*. Может быть они путали Сыр-Дарью с Доном? Нет, они отлично знали, что это разные реки. “Александр двинулся в Мараканду, столицу Согдианы, а оттуда пошел к реке Танаис. Этот Танаис ... впадает в Гирканское море¹⁵. От него отличен ... тот Танаис, о котором историк Геродот говорит, что Танаис — восьмая из скифских рек и ... впадает в озеро, называемое Меотийским” (Арриан. Поход Александра III 3.6). Стало быть название Танаис для Сыр-Дарьи не является результатом какой-то географической ошибки. Оно объясняется тем простым фактом, что скифы и Дон и Сыр-Дарью называли “рекой”, *dāni-*, *dānav-*. А этот скифский appellativ стал у античных авторов гидронимом Танаис, применяемым не только к Дону, но и к Сыр-Дарье. Всего вероятнее поэтому, что и авестийское название *Dāni* относилось к Сыр-Дарье как к реке “скифской” *par excellence*. По свидетельству античных авторов (Страбон, Плиний, Дионисий Перигет и др.), по Сыр-Дарье (Яксарту) и на север от нее живут кочевники скифы (саки), откуда они совершают набеги на оседлые племена, живущие на юг от Сыр-Дарьи. Точно локализует этих скифов и надпись персидского царя Дария I: “саки, которые за Согдом”.

Отождествление авестийского *Dāni* с Сыр-Дарьей хорошо согласуется с текстами. Почему благодения богини Арти по их протяженности сравниваются гиперболически именно с Сыр-Дарьей? Потому, что она была самой длинной рекой, какая была в поле зрения авестийских племен (Хорезм, Согдиана, Бактрия). Длина Сыр-Дарьи — 2.863 км. Длина Аму-Дарьи — 2.394 км. К тому же Аму-Дарья была знакома восточноиранским племенам по всему своему течению. Истоки же Сыр-Дарьи терялись для

них где-то в неприступных горах за пределами иранского мира. Таинственность, окружавшая истоки Сыр-Даръи, объясняет и то место в тексте “Аогмадайча”, где говорится, что “Dānu вытекает из глубин земли”. И на конец смертельная опасность, с которой, согласно этому тексту, была связана переправа через Dānu – это опасность скифская.

Напомним, что AiW различает две лексемы: ¹ *dānav-* “река” и ² *dānav-* название враждебного авестийцам “турского” (т. е. скифского) племени. После всего, что выше говорилось, нет препятствий к тому, чтобы объединить их в одно словарное гнездо. Если ¹ *Dānu* означало “Сыр-Дарья”, то ² *Dānu* только и могло означать “Сыр-Дарьинец”, а сочетание *Dānu- Tura-* “Сыр-Дарьинский скиф”. *Tura* выступает в этом сочетании как общее, родовое наименование “скиф”, а *Dānu* — видовое, “Сыр-Дарьинец”. Ср. в русском общее наименование *казаки* и видовые: *донцы*, *кубанцы*, *терцы*. В древнеиндийском *Dānu-*, как и название другого скифского племени *Dāsa*, получило значение “демон”.¹⁶

Говоря об авестийском *Dānu*, нельзя обойти молчанием еще одну лексему, встречающуюся в Авесте: гидроним *Frazdānu-* (из **Frazda-dānu-* “Благодатная река”) (AiW 1005). Мы уже знаем: нет оснований допускать, что в каком-либо иранском языке, кроме скифского, существовал апеллатив *dānu-* “река”. И если мы где-либо на территории расселения иранских народов встречаем в составе гидронима элемент *dānu-*, мы можем утверждать с уверенностью: здесь скифский дух, здесь скифом пахнет. Так оно оказывается и на этот раз. Зороастрийская традиция помещает реку (или озеро) *Frazdān* в области Сакастан (новоперс. *Sīstan*), а это как раз и значит “Страна саков”, т.е. скифов. У античных авторов она известна под называнием Дрангианы, в древнеперсидских текстах — Зранка. Она расположена далеко на юг от прародины скифов, в восточной части нынешнего Афганистана.¹⁷ Саки (Сакарапуки) переселились сюда из области Сыр-Дары вскоре после смерти парфянского царя Митридата I, т.е. около 130 г. до н.э.¹⁸ Зороастризм, после тяжелой депрессии в период владычества Александра и его преемников, переживал в Сакастане свой ренесанс.¹⁹

Неожиданным может показаться, что гидроним Фраздан возникает в Армении (в форме *Hrazdan*, современный *Раздан*).²⁰ Но и это не должно удивлять. Страбон XI. 8.4 сообщает: “Саки производят вторжения как в дальние, так и соседние страны, ибо и Бактриану заняли, и овладели лучшей частью Армении, которая, по имени их, и прозвалась Сакасеною (*Σακασηνή*)”. Армянские источники действительно знают область *Шакашен*.²¹ Название это восходит к др.иран. **Saka-śayana-* “место обитания саков”.

Авест. *fra-spāt-*

AiW 1003 дает два разных слова:

¹*fra-spāt-* название какого-то (наркотического) растения, употребляемого при aborte (упоминается рядом с другим наркотиком *baŋha-*, др.инд. *bangha-*);

²*fra-spāt-* “подушка”.

Разумеется, подобные курьезы омонимии в языке бывают. Но в данном случае (не только один и тот же корень *spa-*, но и одна и та же приставка *fra-*) случайная омонимия крайне мало вероятна. Поэтому любую попытку найти для этих двух слов общий семантический знаменатель можно считать оправданной. Мы решаемся на такую попытку и готовы видеть здесь синкопированную форму арийского **pra-s(u)pāyant-* “усыпляющий”, каузативного причастия от арийского *sup- || svap-*, иран. *hup- || hvap-* “спать” с ранним выпадением гласного *u*. Форма *sup-* относится к *spa-*, как, скажем, др.инд. *hi(v)* к *hva-(ahva-)* “звать”, авест. *zav-* к *zva-*. Редукция и исчезновение корневого гласного *u* в этом глаголе отмечается также на славянской почве: ср. русс. *проспать* рядом с *просыпаться*.

Что же, стало быть, общего между наркотиком и подушкой? Если мы не ошиблись в нашем разборе, то общее между ними то, что оба они “усыпляют”.

Авест. *haosafnaena-* “стальной”

Это прилагательное следует рассматривать как производное от незасвидетельствованного в Авесте субстантива **husafna-* “сталь”. Этимологизация последнего очень проста, если только допустить здесь метатезу из **hu-spāna-* с закономерным чередованием *hi- || hau-* в деривации. Ср. такие пары как

авест. <i>husravah-</i>		<i>haosravah-</i>
“ <i>humanah-</i>		<i>haomanaŋha-</i>
<i>huzantu-</i>		<i>haozaθwa-</i>

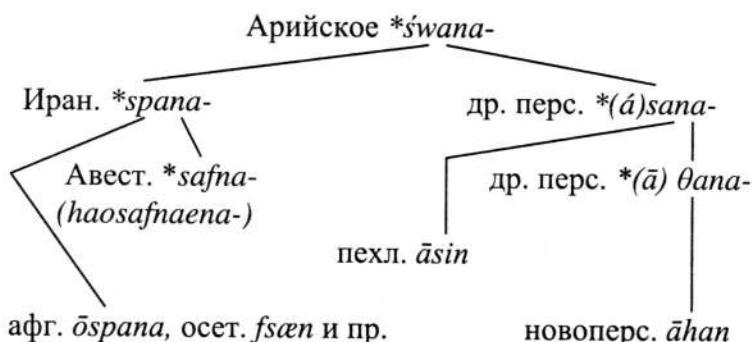
др.инд. <i>suśrávas-</i>		<i>sauśravasa-</i>
“ <i>sumána-</i>		<i>saumanaśa-</i>
<i>subhāgá-</i>		<i>saubhāgya-</i> и т.п. ²²

В иранских языках с уверенностью распознается лексема **spāna-* “железо”: афг. *ōspana*, шугн. *səpən*, ишказ. *þərap*, сангличи *þpan*, хорезм.

'spani, согд. *aspan ('spn). Сюда же осет. *"fsæn* “лемех”, *"fsæjnag* “железо” закономерно из **spana-*, как *"fsad* “войско” из *spāda-* и т.п.²³ Элемент *hi-* (др.инд. *su*) в первой части сложных слов означает “хороший”. Стало быть **hi-spana-* (→ *hi-safna-*) “сталь” осмысляется как “лучшее железо”, “лучший вид железа”.

Особую проблему ставят новоперс. *āhan*, пехл. *āsen* “железо”. Мы попытаемся показать, что и они могут быть включены в данное этимологическое гнездо.

Иранская группа *sp* может восходить к арийской *św*, стало быть **spana-* – к **śwana-*, как, например, **aspa-* “лошадь” – к **aśwa* (др.инд. *aśva-*). Но в древнеперсидском арийской группа *św* давала, в отличие от других иранских языков, не *sp*, а *s*: др.перс. *asa-* “лошадь”. Стало быть, название железа там звучало бы не **spana-*, а **sana-*, а с приставкой *ā-* — **āsana*. Отсюда пехлев. *āsin*, *āsen* а также перс. (семнанский диалект) *osun* (с сужением второго *a* перед носовым). Но в отдельных случаях др. перс. *s*, вышедшее из *św*, могло пройти еще одну ступень звукового развития, а именно перейти в *θ*; например *viθa-* “весь” рядом с *visa-* (авест. *vispa-*, др.инд. *vísva-*). Стало быть, рядом с **āsana-* “железо” могли иметь **āθana-* (как рядом с *visa-* – *viθa-*). Отсюда закономерно новоперс. *āhan*:

В заключение остается сказать, что восстанавливаемое арийское **śwana-* “железо” не стоит изолированно. Оно находит безупречное соответствие в гр. *κύανος* “вороненая сталь”, от базы и. е. *Kew-* “блестеть” и пр. (Pokorny 594).

Авест. *hvāfrita-* (Яшт Y 130)

Следует делить не *hvā-frita-* (AiW 1854), а *hv-āfrita-* (*hu-āfrita-* от *āfri-* “благословлять”), и переводить не “hochbeliebt”, а “gut gesegnet”. Ср. осет. *xærz-arfægond* “хорошо благословленный”. Правильный перевод ZA II 396: “bien bénî”.

Авест. *kara-*

В сочетании *kara-masya*- “*kara*-рыба” (Яшт X1Y 29) *kara*- выступает как название рыбы. Возможно, *kara*- – ошибочная передача вместо *kaβa- (знаки для *r* и *β* в имперско-арамейском письме, на котором, как полагают, была первоначально записана Авеста, весьма близки: У и Й. Ср. в этом случае восточноиран. *kara- “рыба”: сак. *kava*, согд. *kr-*, афг. *kab*, осет. *kæf* и пр.²⁴ Развитие *r* → *β* аналогично *k* → *γ* в *taoya*- вместо *taoka* (см. выше). Заимствование авест. *kara*- из угроФинского (H. Jacobsohn) маловероятно.

Авест. *mainya-* – др. перс. *māniya-*

Авест. *mainya*- переводится “*maßgebend*”, “*authoritative*”, “*landlord*” (Райхельт, Хеннинг, Гершевич). Этимологически связывается то с *mā-* “мерить” (отсюда “*maßgebend*”), то с лат. *pro-mineo* (отсюда “*authoritative*”). Начальную строку в Яшт X 137

ušta ahmāi naire mainyāi...

Гершевич переводит:

“*Hail to the authoritative man...*”

Начальную строку следующей строфы

sādrəm ahmāi naire mainyāi...
“*Woe to the authoritative man ...*”²⁵

В обоих случаях ничто не указывает на то, что речь идет о какой-то особой категории “авторитетных” людей. Имеется в виду человек вообще, любой человек. В тексте Ясна XII 3 читаем:

fēra mainyēibyo rānhe vasə yaitim,
vasə šəitim, yāiš ... gaobiš šyeinti

Райхельт переводит:

“*to (those) landlords I grant wandering at will
and lodging at will, who hold by the Ox*”²⁶

Здесь опять-таки нет ни малейшего намека, что речь идет о какой-то особой категории “лэндлордов”. Имеется в виду любой человек, разводящий скот. А в обществе, где родился зороастризм, этим занимались все.

Нам представляется, что авест. *mainya*- нельзя отделять от др. перс. *māniya* “Hausgesinde, Leute”.²⁷ Оба слова являются производными от *dmāna (**dam-āna-*) “дом” и означают буквально “*oīkētης*”, “член семейной общины”. Ср. авест. *ptāna*-, *dətā-pa*- “дом”, “семья”, *ptānua* “домашний”. Начальный *p*- в данной позиции легко мог отпасть. Краткость корневого *a* в *mainya*- также не может служить препятствием. Колебание долготы и краткости гласных, появление краткого *a* вместо долгого – нередкое явление в авестийском тексте (ср. имена *Spitama*-, *Vayu*- и др.). Само авест. *dətana*- “дом” в одном случае встречается с кратким *a* (Ясна XXXI 16).

Коль скоро *mainya*- применяется в Авесте не к какому-то особому разряду “авторитетных” людей, а к человеку вообще, встает вопрос, в каких семантических отношениях стоит *mainya*- к другим наименованиям человека: *mašya*-, *nar*-, *vīra*-.

Авест. *mašya*-, др.перс. *martiya*- означает буквально “смертный”: как земное существо, человек подвержен смерти, в отличие от богов.

Авест. *nar*- хотя и употребляется иногда в значении “человек” вообще, применяется по преимуществу к мужчине и маркирует признак пола.

Авест. *vīra*- охотно используется, когда нужно противоставить человека животным (например, в композите типа *dvandva pasu-vīra*- “скот (и) люди”.

В отличие от этих трех наименований биологической и антропологической окраски, авест. *mainya*-, др. перс. *māniya* – термин подчеркнуто с оциальностью, и в этом его специфика. Он указывает на принадлежность человека к основной социальной единице: семье, дому. Его можно сравнить с русск. *гражданин*, франц. *citoyen* с той разницей, что в этих последних содержится признак принадлежности не к дому, а к более крупной социально-политической единице – городу. Близкую семантическую параллель к иран. *(*d*)*manya*- “человек” имеем в слав. *čelověkъ*, которое этимологически осмысливается как “member of the household” (Buck. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949, p. 80). Авест. *nar*- *mainya*- переводится буквально “*homo domesticus*”, “*ἀνήρ οἰκέτης*”. И подобно тому, как гр. *oīkētης*, первоначально означавшее “домочадец”, с переходом к рабовладельческому строю стало применяться преимущественно к рабам, так иран. *(*d*)*manya*- сохраняет в Авесте свою доклассовую семантику “домочадец”, а в древнеперсидском применяется уже к челяди, находившейся во владении персидской знати.

Следует рассматривать не как именительный падеж от *paiti-ərəna-* (AiW 828), а как требуемый текстом родительный падеж от **paiti-arān-* “агрессивный”. По образованию ср. *tašan-* “создатель” от *taš-*, *vindan-* “достающий” от *vind-*, *əvindan* “не достающий”, *zazaran-* “свирепый” от *zar-*, *ni-vazan-* “привлекательный” от *ni-vaz-*, *spasan-* “смотрящий” от *spas-*.

Авест. *Skārayat-raθa-*

Личное имя. Во второй части *raθa-* “колесница”. Первую часть AiW 1587 связывает со *skarəna-* “круглый” и переводит: “кто заставляет кру́жить колесницу”. Имеются и другие опыты толкования этого имени.²⁹ Нам думается, что прямое отношение к рассматриваемому авестийскому имени имеют такие осетинские выражения как *sk'ærgæ bæxæj* “(усиленно) гоня коня”, *sk'ærgæ wærdonæj* “(усиленно) гоня арбу”. Иными словами *skārayat-* представляет причастное образование от глагола **skar-* “гнать”, осет. *sk'æryñ*, согд. *šk'r-*, парф. *iškār* пр.³⁰ Правильный перевод авестийского *skārayat-raθa-* дает Szemerényi: “he who speeds his chariot”.³¹

Авест. *vārəgan-*

Один из гимнов Авесты посвящен богу войны и победы Вртрагне (Яшт 14). Согласно этому тексту грозный бог является Заратушtre в десяти разных видах:

1. в образе ветра, (<i>vāta-</i>),	6. 15-тилетнего юноши (<i>nar-pančadasah-</i>),
2. быка (<i>gav- aršan-</i>),	7. птицы (<i>vārayna-</i>),
3. коня (<i>aspā-</i>),	8. дикого барана (<i>maēša- auruna-</i>),
4. верблюда (<i>uštra-</i>),	9. дикого козла (<i>buza- rəna-</i>),
5. кабана (<i>varāza-</i>),	10. мужчины (<i>nar-</i>).

Все перечисленные манифестации Вртрагны совершенно ясны. Загадочна только седьмая: какая именно птица скрывается под названием *varəgan-* (*varayna-*).

По образованию это наименование вполне прозрачно. Оно относится к весьма распространенному в индоиранском разряду сложных слов, где вторая часть – глагол в форме чистой основы или корня, управляющий первой, именной частью.³² В данном случае во второй части легко

распознается глагол *gan-* “бить, поражать, убивать” и т. п. Этот же глагол (в форме *-yupa-*) наличен во второй части имени самого бога войны: *Yərəθra-yupa-*, буквально “поражающий (демона) Вртру”.³³

Но что означает первая часть *vāra-*? Spiegel сближал ее с перс. *bāl* “перо, крыло”. В этом случае *varəgan-* должно было означать “бьющий крыльями”.³⁴ Darmesteter склонен был переводить “ворон” или “ворона”.³⁵ Hertel отождествлял первую часть (*vāra-*) с др. индийским *vāra-* “защита”. В этом случае название птицы должно означать что-то вроде “разбивающий защиту”.³⁶

Ни одно из этих толкований не представляется убедительным. Переводы “бьющий крыльями” или “разбивающий защиту” с семантической стороны не внушают доверия. Значение “ворон” или “ворона” (Darmesteter) крайне маловероятно. Манифестацией могучего воинственного бога могла быть какая-нибудь крупная хищная птица, но никак не ворон или ворона.

Два хорошо известных факта надо иметь в виду при разъяснении авестийского *varə-gan-*:

1. В сложных словах сохраняются нередко такие лексические элементы, которые в самостоятельном употреблении в данном памятнике (или даже вообще в языке) не встречаются; компонент *vārə-* в авест. *vārə-gan-* может быть именно таким, сохранившимся только в сложении словом.

2. Многие исконно иранские слова, не засвидетельствованные самостоятельно ни в Авесте, ни в древне-персидских надписях, выявляются в средне- и ново-иранских языках, а также в армянском и грузинском как старые заимствования из иранского. Следует поэтому поискать, нет ли где-либо в этих языках слова, созвучного авестийскому *vārə-* со значением, хорошо укладывающимся в композит *vārə-gan-* “убивающий (кого-то)”.

Поиски оказываются вполне успешными. В талышском языке находим слово *verə* “курочка, курица (до года)”.³⁷

В армянском известно слово *varik* “курочка, молодая курица”.³⁸

В грузинском – *varia* “курочка (до кладки яиц)”.³⁹

Эти данные дают нам право полагать, что элемент *vārə-* в авестийском *vārəgan-* означает “курочка”, а весь композит означает “убивающий курочек”, “куроубийца”, “*όρνιθοκτόνος*”. Такое наименование как нельзя лучше подходит для крупной хищной птицы. Именно такая птица была седьмой манифестацией бога войны Вртрагны. Речь может идти о соколе, ястребе или коршуне. Ср. по образованию и семантике авест. *kahrkāsa-* “коршун”, буквально “куроед”, “*όρνιθοφάγας*”.

Опираясь на древнеперсидский, санскрит, а также на средне- и новоиранские языки, можно воссоздать некую “идеальную” систему древне-иранской фонологии.⁴⁰ Если сравнить звуковой состав языка Авесты, как он распознается в дошедших до нас рукописных текстах, с этой нормализованной системой, разница окажется очень значительной. Картина в Авесте гораздо сложнее, чем в древне-иранском эталоне. Достаточно сказать, что вместо восьми гласных (даже шести, если учесть, что долгота и краткость *i* и *u* имели минимальное фонологическое значение) мы имеем в авестийском шестнадцать. Много своеобразного и в консонантизме. Фонетическая “избыточность” авестийского языка объясняется прежде всего обилием позиционных вариантов и действием Umlaut’а. Но не следует ли в некоторых случаях считаться с возможностью чисто графических недоразумений или орфографических причуд сасанидских ученых, записавших текст Авесты на созданном ими для этого алфавите? На этот счет в иранистике издавна ведутся споры.

Один из загадочных феноменов в консонантизме – появление перед *h* внутри слова неэтимологического носового согласного, обозначаемого в принятой транскрипции буквой *γ*. Стало быть вместо ожидаемого *h* мы находим *γh* (в Гатах также *γgh*). Это бывает чаще, когда за *h* следует гласный *a*, но также *e*, *o*, *v*, *r*. “The phonetical interpretation of *aγha* and similar groups of signs, has since Saleman’s and Andreas time been one of the most debated problems of Av. orthography”.⁴¹ Речь идет о таких написаниях как *aγhat* “да будет” (вместо *ahat*), *aγhiš* “бытие”, *maṇaγhō*, *maṇaγhe*, *maṇaγha* (косвенные падежи от *maṇah-* “мысль” и пр.), *avaγhō*, *avaγhe* (косвенные падежи от *avah-* “помощь”), *vaṇhāna-* “одежда” (вм. *vahana-*, др.инд. *vasana-*), *vaṇhūš* “добрый” (вм. *vahuš*) и т. п. Некоторые ученые склонны были видеть здесь какую-то игру графики или орфографии, а не доказательство присутствия носового согласного в группе *γh*. Недоверие к авестийскому написанию поддерживалось тем, что, какказалось, нигде больше на иранской почве такой феномен не наблюдался. “The reason why so many scholars have doubted the reality of Av. *γ* before *h* ... no doubt is that a similar sound-change did not seem to occur in any other Ir. language”.⁴²

Мы можем однако сказать, что существует по крайней мере еще одно иранское наречие, где наблюдается точно такой же фонетический феномен: появление неэтимологического *n* перед *x*, а также перед *g*- Мы имеем в виду дигорский диалект осетинского языка. Вот несколько примеров:

Иронский	Дигор.
<i>xorz-aex</i>	<i>xwarz-aenxæ</i> “милость”, букв. “добрая сущность”, ср. авест. <i>hv-aŋhu-</i> id.,
<i>fyd-aex</i>	<i>fud-aenxæ</i> “немилость”, букв. “дурная сущность”, спр. авест. <i>duž-aŋhu-</i> “ад”,
<i>fux</i>	<i>funx</i> “вареный”, из * <i>raxva-</i> ,
<i>xax</i>	<i>xanx</i> “черта”, из тюрк. <i>qaq</i> ,
<i>xox</i>	<i>xonx</i> “гора”, из * <i>kaika-</i> , спр. греч. <i>Καύκασος</i> , нем. <i>hoch</i> .

Появление *n* перед *g*:

Иронский	Дигор.
<i>wasæg</i>	<i>wasænga</i> “петух”, из * <i>wasaka-</i> ,
<i>aexsīnæg</i>	<i>aexsinængæ</i> “голубь”, из <i>axšainaka-</i> ,
<i>qaraæg</i>	<i>garængæ</i> “причитание”, из * <i>garaka-</i> и др.

Факты дигорского наречия решительно подтверждают, что носовой звук в авестийской группе *ŋh* – фонетическая реальность, не нуждающаяся в какой-либо иной интерпретации.

В заключение следует отметить, что, подобно тому как в Авесте *ŋ* в группе *ŋh* бывает иногда этимологическим (например *baŋha-* “конопля”, др.инд. *bhangha-*), так и в дигорском *n* в группе *nx* может быть этимологическим, например *sinx* (ирон. *sux*) “квартал” из **šainaka-*, *zænxæ* “земля” из **zamka-* и др.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Philologia Orientalis IV. In memoriam George V. Tsereteli. Tbilisi, 1976, стр. 256-258.

2 На существование в осетинском протетического *x*- обратил впервые внимание H. W. BAILEY, см. Sad-Dharma-Pundarika-Sutra. The Australian National University, Canberra, 1971, стр. 30 (осет. *xubezæstæ*). Осет. язык не стоит в этом отношении изолированно. Morgenstierne указывает на “unetymological initial *h*'s in many E. Ir. dialects” (“Orthography and Sound-system of the Avesta”. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo, 1942, Bd. XII, p. 62). Вероятно, что и в осет. речь шла первоначально о легком протетическом придыхании *h*. И лишь со временем оно “сгустилось” в *x*.

- 3 BARTHOLOMAE. Altiran. Wörterbuch, 1904, p. 257 (в дальн. AiW).
- 4 См., например, MAYRHOFER. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altdutschen. Heidelberg, 1952 sq. II 662, s. v. *múhyati*.
- 5 BAILEY. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979, p. 335.
- 6 AiW 104-105.
- 7 MACKENZIE. A concise Pahlavi dictionary. London, 1971, стр. 41.
- 8 SZEMERÉNYI. Iranica. ZDMG 101, 1951, стр. 202.
- 9 HENNING. Sogdica. Acta Iranica 15, 1977, Téhéran - Liège, стр. 8.
- 10 Форма *taoya-* вместо *taoka-* – результат того не раз наблюдался в авест. тексте явления, о котором говорит Bailey: "... the submission of the orally transmitted text to the influence of Middle Iranian pronunciation" (Zoroastrian problems... 177).
- 11 АБАЕВ. Истор.-этимол. ел. осет. языка (в дальнейшем сокращенно ИЭС) I 97.
- 12 O. SZEMERÉNYI. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1980, pp. 89, 119.
- 13 Основы иранского языкознания. М., 1979, стр. 285-286.
- 14 ИЭС I 569.
- 15 Гирканским называлось Каспийское (а не Аральское) море. Неточность вполне простительная.
- 16 Наши соображения по поводу авестийского *Danu* мы изложили в свое время в статье “Скифский быт и реформа Зороастра” в пражском журнале “Archiv Orientalní” 1956 XXIV 42-45. Позднее к ним присоединился БЕНВЕНИСТ (É. BENVENISTE. Études sur la langue ossète. Paris, 1959, стр. 118-120).
- 17 О локализации и идентификации реки (озера) Фраздан см. Gh. Gnoli. Ricerche storiche sul Sīstan antico. Roma, 1967, стр. 34-38.
- 18 A. von GUTSCHMID. Geschichte Irans. Tubingen, 1888, стр. 88. Новейшая работа: P. DAFFINÀ. Immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967, стр. 45-82.
- 19 См. об этом АБАЕВ. Скифы и Зороастр. Acta Iranica 6 (Monumentum Nyberg II). Téhéran - Liège, 1975, стр. 5-8.
- 20 HÜBSCHMANN. Armenische Grammatik. Leipzig, 1897, стр. 48.
- 21 HÜBSCHMANN, цит. соч., стр. 213 прим.
- 22 REICHELT. Awest. Elementarbuch, § 145.
- 23 ИЭС I 480-481.
- 24 ИЭС I 575-576.
- 25 Ilya GERSHEVITCH. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959, pp. 142-143, 224.
- 26 Hans REICHELT. Avesta Reader. Strassburg, 1911, p. 177.
- 27 BRANDENSTEIN-MAYRHOFER. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964, pp. 131-132.
- 28 Приводя авест. *fradaθa-* с неэтиологическим кратким *a* в первом слоге, К. Хофман замечает: “Das kurze *a* könnte irgendeiner Zufälligkeit des liturgischen Vortrags seine Entstehung verdanken, es könnte jedoch ebensogut Ergebnis einer auch sonst zu beo-

bachtenden Kürzungstendenz sein, bei der Akzentstelle, Intonation und Wortumfang eine Rolle gespielt haben dürften” (Karl HOFFMANN. Aufsätze zur Indoiranistik. Wiesbaden, 1975, 1 265-266).

29 См. Iranisches Personennamenbuch. Band I, Faszikel 1: M. MAYRHOFER. Die avestischen Namen. Wien, 1977, p. 76.

30 ИЭС III 122-123.

31 ORBIS 1970 XIX 513.

32 Об этом типе сложных слов в Авесте см. Duchesne-Guillemin. Les composés de l’Avesta. Liège - Paris, 1936, § 74-106, специально § 96d.

33 BENVENISTE - RENOU. Vṛtra et Vṛtragna. Paris, 1934.

34 SPIEGEL. Commentar über das Avesta. Wien, 1864, стр. 264.

35 ZA II 566 прим. 29.

36 HERTEL. Mithra und Ǝrəxša. Leipzig, 1931, стр. 176.

37 ПИРЕЙКО. Талышско-русский словарь. Москва, 1976, стр. 42.

38 ГАРИБЯН, Тер-Минасян, Геворгян. Армяно-русский словарь. Ереван, 1960, стр. 387.

39 Толковый словарь грузинского языка под редакцией Чикобава. Тбилиси, том. IV, 1955, стр. 29.

40 É. BENVENISTE. Le système phonologique de l’iranien ancien. Bull. de la Société de linguistique de Paris 63, 1968, pp. 53-64.

41 MORGENSTIERNE, op. cit., p. 63.

42 MORGENSTIERNE, op. cit., p. 67.